

Состоится ли завтра российской науки?

Министерству науки и технологий Российской Федерации — преемнику Государственного комитета СССР по науке и технике — исполнилось полвека. О его истории, настоящем и будущем наш корреспондент беседует с министром науки и технологий РФ академиком РАН Владимиром Евгеньевичем Фортковым.

БЫЛО...

Корр. Владимир Евгеньевич, что можно считать отправной точкой в истории министерства?

В.Ф. Принятое 15 февраля 1948 г. правительственное постановление о создании Государственного комитета Совета Министров СССР по внедрению передовой техники в народное хозяйство, сокращенно Госкомтехника. Возглавил комитет выдающийся инженер и организатор генерал-полковник инженерно-технической службы Вячеслав Александрович Малышев, роль которого в государственной технической политике тех лет еще будет по достоинству оценена.

Корр. Название комитета менялось неоднократно. Что изменялось в его деятельности вместе с названиями, а что сохранялось неизменным?

В.Ф. Прежде всего сохранялась преемственность в выполнении основных задач: формирование и реализация единой научно-технической политики, координация всех работ в этой области, руководство научно-техническим комплексом страны, планирование и прогнозирование, подготовка научных кадров, международное сотрудничество. Не менялся и высокий государственный статус, сравнимый со статусом таких “суперучреждений”, как Госплан, Госнаб, КГБ. По своему межведомственному характеру ГКНТ стоял над многочисленными министерствами, а его председатель одновременно был и заместителем председателя Совета Министров. Наверное, поэтому ГКНТ нередко называли “Большим комитетом”, хотя по сравнению с тем же Госпланом штат его был невелик. Зато в системе ГКНТ действовало более 70 научных советов, создавались временные научно-технические комиссии и экспертные группы.

Правительство поручало комитету экспертную оценку не только важных проектов, но и планов народнохозяйственного развития в целом. В основе таких оценок лежал анализ текущего состояния мировой науки и техники, прогнозирование их развития на предстоящие 10—15 лет. Этот программно-целевой метод был затем взят на вооружение США и Японией при выполнении крупных научно-технических программ национального масштаба. Однако авторитет “Большого комитета” утверждался не только высоким государственным статусом, но и огромным уважением к его постоянным членам — прославленным советским ученым, в разные годы входившим в ор-

ган коллективного руководства научно-техническим прогрессом. Листая протоколы заседаний коллегии ГКНТ, убеждаешься, что комитет никогда не был чисто бюрократической организацией. Насущность и конкретность решаемых задач, непосредственная связь с учеными, инженерами, производственниками не давали его сотрудникам оторваться от жизни. Оказывается, многое из того, что сейчас мы открываем для себя как бы заново, например конкурсный принцип финансирования конкретных направлений научно-технического прогресса, совместная работа с Академией наук в научных советах и др., широко использовалось еще во времена Гостехники.

Изменялись же некоторые конкретные подходы к решению проблем, что в немалой степени было связано с личностью того, кто в тот или иной период возглавлял комитет. Так, в середине 60-х годов на смену руководителю технического и хозяйственного профиля (К.Д.Петухов, М.В.Хруничев, К.Н.Руднев) в комитет пришли ученые. Первым из них был академик В.А.Кириллин (1965—1980), много сделавший для укрепления творческих связей ГКНТ с Академией наук. В 1980-м ГКНТ возглавил академик Г.И.Марчук (1980—1987), при котором резко возросла роль планирования и научно-технического прогнозирования. С 1987 по 1989 год во главе комитета стоял опытнейший руководитель Б.Л.Толстых. В тот период была реализована программа реформ в низовом звене научно-технической системы, завершена разработка перечня из 14 приоритетных государственных научно-технических программ. В 1989—1991 годах на пост председателя ГКНТ был назначен академик Н.П.Лаверов, много сделавший для сохранения науки в условиях начавшейся политической и экономиче-

ской нестабильности. Под его руководством было начато формирование важнейших экологических и природноресурсных программ, которые выполняются и сегодня. В ноябре 1991 года ГКНТ был преобразован в Министерство науки, высшей школы и технической политики РСФСР, а в 1993-м — в Министерство науки и технической политики РФ. В эти труднейшие годы министерство возглавлял Б.Г.Салтыков, под руководством которого удалось реализовать ряд важнейших мер по стабилизации ситуации в научно-техническом комплексе. Мы должны быть благодарны всем этим людям за их большой вклад в развитие и сохранение науки в России.

Корр. В некоторых средствах массовой информации еще недавно было модно всячески принижать достижения советской науки или противопоставлять индивидуальные успехи ученых “невежественному руководству госчиновников”...

В.Ф. В прошлом советской науки немало замечательных, признанных в мире достижений, которые вряд ли состоялись бы без координирующей роли ГКНТ. Наиболее памятные из них связаны с освоением космоса, созданием ракетно-ядерного щита, атомной промышленностью. Успешное решение этих масштабнейших задач немислимо без синхронизации всех составляющих такого сложного организма, как научно-технический комплекс. Ну, а достижения советских ученых невозможно перечислить, да и вряд ли это имеет смысл — они общеизвестны и общепризнаны. Нет нужды доказывать и тот факт, что СССР располагал высококлассной техникой во многих областях и передовой наукой, которая была способна вести исследование по всему фронту. Кроме Советского Союза такое могли себе позволить только Соединенные Штаты. Не надо при этом забывать, что наша наука и техника развивалась в условиях холодной войны и без всякой помощи извне.

Корр. Когда и почему, на ваш взгляд, началось наше “падение”?

В.Ф. Экстремум советской научно-технической мощи пришелся на 60—70-е годы. Однако в конце 70-х начало увеличиваться отставание СССР во многих областях науки и техники, совпав по времени с так называемым застоем. Именно тогда наиболее отчетливо стали проявляться пороки командно-административной системы, тормозившей экономическое развитие страны. В результате мы проспали, а затем “заболтали” третью научно-техническую революцию и проиграли холодную войну, что в конечном счете и стало детонатором событий 90-х годов.

ЕСТЬ...

Корр. Владимир Евгеньевич, что в последние годы делает министерство, чтобы поддерживать жизнеспособность российской науки?

В.Ф. В эти беспокойные годы мы столкнулись с тяжелейшими и во многом новыми для нас проблемами. Наука, бывшая приоритетом государства, в одночасье превратилась в пасынка. В 10—15 раз сократилось бюджетное финансирование, упали почти до нуля заказы промышленности и обороны. С подачи средств массовой информации в обществе господствует скептическое отношение к отечественной науке при одновременном расцвете паранауки, мистики и мракобесия. Резкие, не всегда продуманные экономические решения негативно отразились на положении научных организаций, ученых и специалистов. Нельзя сказать, что действия Миннауки в этих условиях были безупречны. Но ведь очень трудно плыть по неизвестной извилистой реке на плохо управляемом корабле. Во всяком случае министерство старалось предвидеть развитие ситуации и влиять на нее. Так, с 1994 года было сделано несколько последовательных шагов к созданию многоканальной системы финансирования науки. В частности, появились научные фонды, проложившие путь к внебюджетному конкурсному финансированию прикладных и фундаментальных исследований и проектов. Я сам в течение четырех лет был председателем Фонда фундаментальных исследований, и это многому меня научило. В плане поддержки прикладной науки большую роль сыграло создание в 1994 году института государственных научных центров. Статус ГНЦ помог выжить большой прикладной науке России в самые тяжелые времена. И сегодня эти центры продолжают действовать, закладывая основу для развития инновационной инфраструктуры.

Еще одна особенность деятельности Миннауки в постсоветское время — полное отсутствие адекватной законодательной базы по научно-технической деятельности в новых экономических условиях. Министерство выступило инициатором и основным разработчиком генерального закона Российской Федерации “О науке и государственной научно-технической политике”, принятого в 1996 году, а также нескольких законов и указов Президента, развивающих этот основополагающий законодательный акт. Приняты и начали действовать федеральная программа, определяющая государственные приоритеты по конкретным направлениям НИОКР, федеральная целевая программа “Государственная поддержка интеграции высшего образования и фундаментальной науки на 1997—2000 гг.”, межведомственные программы по созданию национальной сети компьютерных телекоммуникаций, поддержки научных школ, программа “Вакцины будущего” и ряд других. Для развития науки в регионах создан специализированный научный совет, который оказывает поддержку реализации около 200 региональных научно-технических программ и проектов. Система финансирования основана на конкурсном и

адресном распределении средств. Построенная на вполне демократических принципах, она поддерживает организации и коллективы вне зависимости от форм собственности и ведомственной принадлежности. Недавно созданное в министерстве управление организации прикладных исследований энергично взялось за разработку форм, координацию и организацию всероссийских конкурсов исполнителей по приоритетным направлениям прикладных НИОКР.

Все это время Миннауки систематически анализировало отрицательные и положительные тенденции в научно-технической сфере страны. Отрицательных, безусловно, было больше. Финансовое положение науки неуклонно ухудшалось. Соответственно увеличивался отток ученых в другие сферы деятельности и за границу. Падала реальная зарплата научных работников, которая, к тому же, выплачивалась с большими задержками. Примерно в два раза сократилось число государственных НИИ. Во столько же раз уменьшилось общее количество научных работников. Динамика обветшания научного оборудования институтов и лабораторий грозила перейти из арифметической прогрессии в геометрическую. Происходили и другие негативные процессы, которые, прямо скажем, вплотную подвели Россию к черте, перейдя которую, она навсегда бы потеряла статус научной державы.

Корр. Видимо, осознание этой общей опасности, а не только личные проблемы вынудили некоторых ученых прибегнуть к экстремальным мерам протеста — самоубийствам, голодовкам, пикетам...

В.Ф. Их действия выразили настроение большей части научной общественности и не остались незамеченными. Все активнее ведет себя и профсоюзное движение, подчас справедливо критикуя Миннауку за недостаточно жесткую позицию в отстаивании интересов российской науки. Независимо от профсоюзов, но по тем же самым мотивам в последнее время резко активизировались действия самого министерства в защиту науки во всех ветвях власти, включая так называемую четвертую власть — СМИ. Все эти действия, а также положительная динамика экономики привели к тому, что с осени прошлого года начала стабилизироваться ситуация с бюджетными выплатами. Похоже, правительство и общество в целом наконец начинают поворачиваться лицом к отечественной науке. Все чаще о ее проблемах говорят средства массовой информации, появляются новые специализированные издания, радио- и телепередачи. “Научный блок” в правительстве усилился с приходом В.Б.Булгака, придавшего новый импульс научным реформам.

БУДЕТ...

Корр. Судьба российской науки во многом зависит от того, как пойдет процесс ее реформирования. Между тем отношение к недавно утвержденной правительством Концепции реформирования, мягко говоря, неоднозначное. А у части нашего научного сообщества она вызвала резкое неприятие...

В.Ф. Если посмотреть на роль Миннауки с 1991 по 1997 год, можно заметить, что оно со все нарастающей энергией переходило от вынужденной “глухой обороны” первых посткоммунистических лет к активной концептуальной позиции по встраиванию науки в новую социально-экономическую парадигму. Работники министерства в тесном контакте с научной общественностью и специалистами из других властных структур готовили конкретные предложения по реформированию науки. В 1997 году министерство организовало две большие конференции ученых (в Новосибирске и Обнинске) для поиска путей реформирования научно-технической сферы. Многие из того, что обсуждалось на этих конференциях, легло в основу Концепции реформирования российской науки. Можно согласиться с теми, кто считает, что с разработкой этого документа мы несколько запоздали. Хотя до того как положение в стране начало стабилизироваться, выработать какие-то концепции было так же бесполезно, как писать вилами по воде. Можно говорить и о каких-то недостатках Концепции и даже что-то в ней менять. Но невозможно помянуть ту часть ученых, которые выступают против реформирования вообще, считая его добиванием российской науки. Вот если мы промедлим с началом реформы, то к 2000 году спастись и сохранять уже действительно будет нечего!

Корр. Какими вы видите контуры российского научно-технического комплекса в ближайшие годы?

В.Ф. Вместе с Российской Академией наук и правительством РФ Миннауки рассматривает реформирование научно-технической сферы как целенаправленный эволюционный процесс встраивания науки в систему рыночных отношений, концентрации бюджетных средств на приоритетных направлениях. Формирование государственного заказа науке, определяемого стратегией развития общества, составит главное звено активной научной политики. Государственная политика в сфере НИОКР будет опираться на сочетание бюджетной поддержки важнейших фундаментальных и приоритетных прикладных исследований, а также создание условий для рыночного развития всего спектра прикладных работ. Основой для последнего станет привлечение частного капитала, усиление инновационной активности, помощь в становлении малых научно-технических предприятий. В этих условиях одной из главных задач министерства, видимо, будет формирование системы приоритетов с учетом мнений широкого круга ученых, товаропроизводителей, специалистов, непосредственно работающих на рынке. Очень многое предстоит сделать министерству для того, чтобы начавшаяся реформа оправдала возлагаемые на нее надежды. Но в конечном счете судьба российской науки зависит от состояния экономики страны в целом.

Беседа вел Ю. Коноров